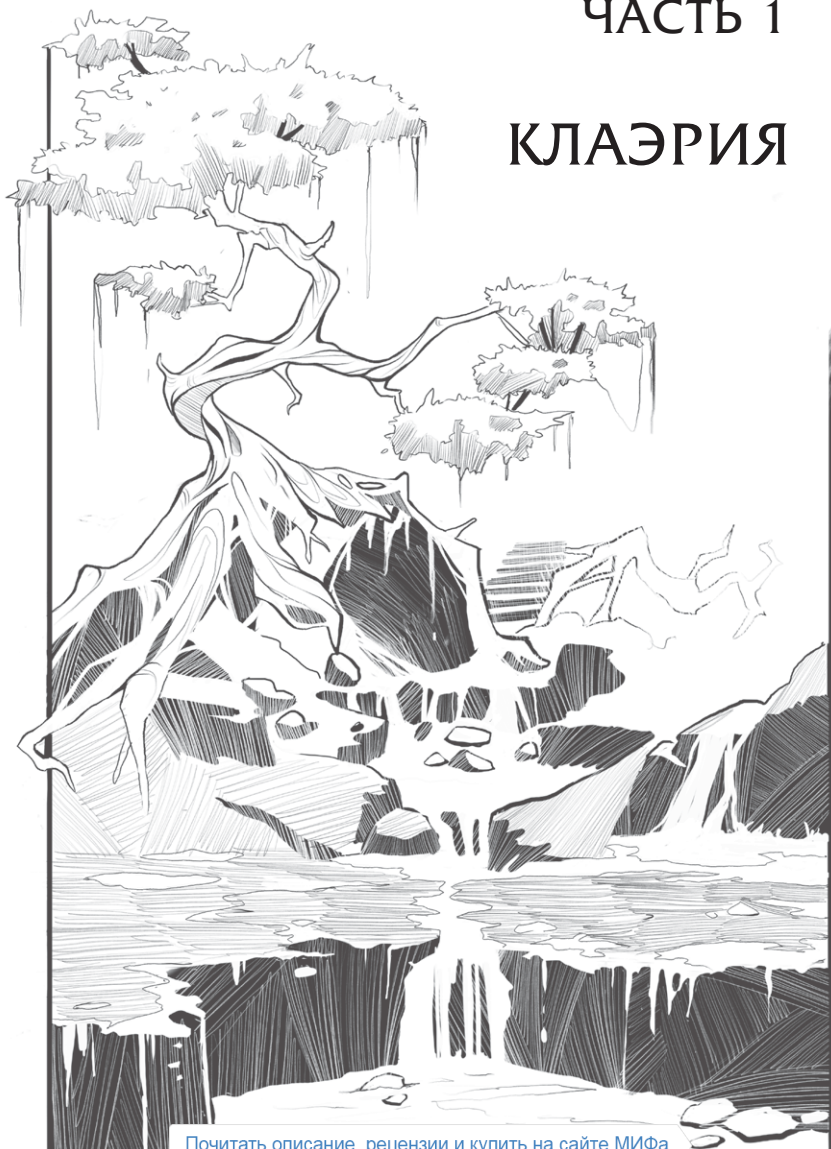

ЧАСТЬ 1

КЛАЭРИЯ

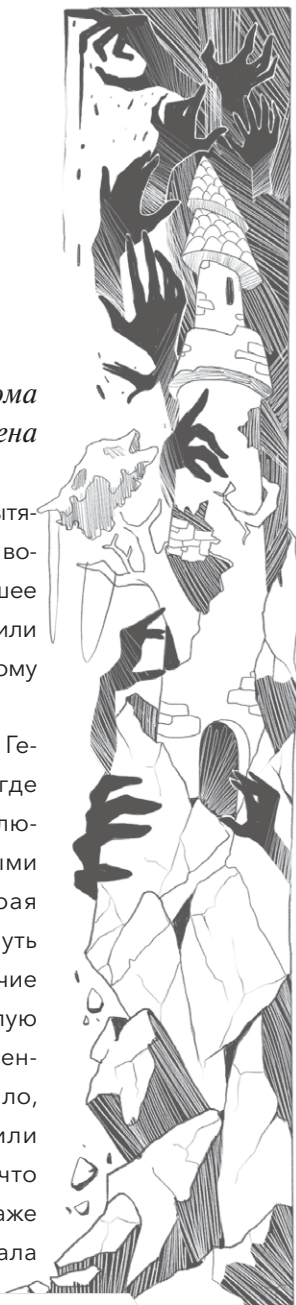
[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

ПРИЗРАКИ, КОТОРЫЕ НЕ ЗНАЛИ ЛЮБВИ

*191 год со дня Разлома
13-й день третьего звена*

Никто не знает, что появилось раньше: вытянулась к звездам круглая башня, а после во-круг сомкнулись горы, проглотив решившее потягаться с ними в величии сооружение, или же башня упала с небес, подобно каменному копыю насквозь пронзив горную громаду.

Эта башня казалась древнее самого Ге-хейна: она брала свое начало на утесе, где без устали выл свирепый ветер, и наблюдала оттуда за Свальрёком заколоченными глазницами брошенной часовни. Серая лестница вилась из подпола, прорубая путь в пещеру, где скрывалось истинное величие древнего сооружения, врезалась в стылую землю и утопала в ее недрах на бесчисленное количество этажей – сколько их было, не знал никто. Шинда столетиями жили в сумраке пещеры, но боялись тьмы, что царила под ногами, – она не отступала даже перед жарким светом факела, стискивала

легкие, отнимая воздух, и до смерти пугала тех, кто считал себя мертворожденным.

Поэтому Эскаэль так любила эту башню – за страх, который та внушала ее собратьям.

Девочка часто пряталась на самом высоком балконе: перила здесь поросли влажным мхом, а вода, капающая с низко нависшего потолка, скапливалась в изломанных трещинах на полу. Эскаэль любила созерцать полуживой город с высоты, на которую не боялись подниматься лишь летучие мыши. А в самые тягостные дни, когда бремя существования в этом месте давило на плечи, будто рухнувшие с опор пещерные своды, она поднималась на пару пролетов выше и сидела на холодных ступеньках в полной темноте, прислушиваясь к завываниям ветра по ту сторону запертой двери. Здесь же Эскаэль хранила стальной прут, тяжесть которого успокаивала: ее ключ к свободе всегда был наготове. Достаточно подковырнуть ржавый замок и вырвать его из трухлявого дерева...

Там, наверху, властвовало палящее солнце, которое могло выжечь всю боль, что копилась в сердце Эскаэль, и освободить несчастную детскую душу.

Но пока она так и не решилась на побег.

Сегодня в ее душе царил штиль, и девочка сидела на балконе.

В тонкие расщелины в сводах необъятной пещеры сыпалась пыль, сброшенная ветром с горных пиков, и одинокие крупницы последнего снега, медленно кружащиеся в бледных лучах солнца. Смертоносный золотой свет изорванными лоскутами усеял выложенные мрамором улицы и согривал крошечные сады между домов с плотно запертыми ставнями – за ними, будто норки, пойманные в капкан, тряслись от страха шинда. И Эскаэль не могла сдержать улыбку при этой мысли: их страх радовал. Иногда она представляла, как солнце выжжет этот город, и тогда ей самой больше не придется бояться ночи,

когда свет погаснет над людскими землями, а тьма затопит пещеру, и собратья покинут свои дома.

Днем Тао-Кай – город, выстроенный теми, кто был древнее Ольма и его детей, теми, кто покинул этот мир задолго до вторжения новых богов, и теми, кто не оставил после себя ничего, кроме опустевших руин, – был прекрасен и молчалив. Лишь в некоторых его уголках жизнь не переставала бурлить никогда – там, куда не дотягивались опаляющие лучи, где царил извечный полумрак и сияли золотом цветы на колючих, изнывающих от жажды кустарниках. Но даже с самой высокой башни Эскаэль могла разглядеть только пеструю россыпь огоньков во тьме.

– Это для тебя! – раздался мальчишеский голос, и на потертую, залатанную подушку рядом с девочкой опустился сверток.

Эскаэль положила его на колени и неспешно развернула сальную, пропахшую плесенью тряпицу: в ней лежала книга – название давно стерлось о чужие пальцы, страницы пожелтели от времени, а кое-где оказались надкушены термитами, но текст каким-то чудом уцелел. Девочка вскинула удивленный взгляд и тут же прикусила щеку изнутри, сдерживаясь, чтобы не отвернуться, – она не любила смотреть на брата. Каждый раз, когда взгляд касался его лица, она видела в нем саму себя: те же острые скулы, мертвенно-бледная кожа, белоснежные волосы, которые Викár не стриг до тех пор, пока сестра не касалась ножницами собственных кос, и самое главное – глаза, зеркально отражающие ее. Правый – светло-серый, левый – ярко-зеленый. Увиденное Эскаэль не нравилось.

– Ты поднимался к людям? – сипло спросила девочка.

– Не совсем, – признался брат, беспечно пожав плечами. – Пару недель назад я случайно забрел в сон приезжего торговца. Навестив его еще несколько раз, я убедил старика в том, что ему грозит смертельная опасность и отвадить беду

поможет лишь подношение к алтарю забытых богов – ну к тому, что у западных пещер. И вот его первый дар.

Викар лучился от самодовольства, и Эскаэль не сдержала легкой улыбки.

– Может, однажды ты все-таки научишь меня читать? – Мальчик сел на подушки рядом с сестрой и моляще посмотрел на нее.

Улыбка сползла с девичьих губ, которые сжались в тонкую линию – она показалась брату острее отцовского лезвия, – и мальчик резко сник.

– Прости, – пролепетал он. – Я помню, что ты не можешь объяснить, как понимаешь все эти языки и что на самом деле значат все эти символы... Но, может, однажды ты все-таки сумеешь в этом разобраться?

– Зачем мне разбираться? Я их понимаю – этого достаточно, – отрезала девочка и накрыла потрепанную книжку ладонью, будто опасалась, что после брошенных слов Викар попытается ее отнять. Но, на ее счастье, он был слишком труслив.

Тишина опустилась на балкон, нависла над близнецами, как нависала тень башни, оберегающая от солнечного света. Она не угнетала, не давила, наоборот – нежно льнула и согревала подобно волчьему меху, как тот, что носила на своих плечах мачеха; девочка никогда не касалась серого плаща, но любила представлять его мягкость на своей коже.

Эскаэль любила эту уютную тишину – она была ее безопасным пристанищем с того дня, как Атрэй научилась говорить.

Близнецы росли, зная лишь ненависть. Их унижали и оскорбляли даже Опустошенные, вымещая злость на детях, которых некому было защитить, – мачеху забавляло происходящее, а отец не замечал ничего с высоты своего гранитного трона. С годами Эскаэль научилась защищать свое сердце от режущих слов, научилась избегать шинда, населявших королевский дворец, – она пряталась в лабиринте коридоров, слышав чужие шаги, и умела по их тяжести различать собратьев.

Она научилась многому. Но Атрей научила ее страху.

– Ты все еще не хочешь спуститься туда? – вдруг нарушил тишину Викар. Его мечтательный взгляд был направлен к городу внизу.

Эскаэль не спешила отвечать. Брат знал, что она скажет, но раз за разом продолжал заводить этот разговор, который всегда заканчивался одинаково – ссорой.

– Я был там, – вновь заговорил Викар, когда молчание затянулось. – За стенами дворца всё иначе. Там нас не ненавидят и ни в чем не винят. Там не боятся признавать правду: младенцы стали рождаться мертвыми задолго до нашего с тобой появления.

– Не будь таким наивным, Викар, – резко оборвала его сестра. – Если в прошлый раз они не окунули тебя головой в чан с испражнениями, это не значит, что они пощадят или примут тебя как родного в следующий. Мы всегда будем для них чужими – постыдным проклятым пятном в океане чистой крови. И что бы они ни говорили, их всегда будет злить, что после стольких лет и детских смертей родились и выжили именно мы. Их будет злить, что наши оскверненные человеческой кровью тела не опустошены и их переполняет Сила.

Мальчик раздосадованно опустил голову и прошептал:

– А жаль...

Эскаэль вопросительно изогнула бровь, и Викар забормотал еще тише:

– Иногда я завидую Опустошенным. Они не испытывают голода. Сила не выжигает их тела. Они живут без боли. А с заходом солнца даже выбираются наверх – к людям. Опустошенные как никто полны жизни, существование которой так яростно отрицают. – Мальчик запнулся. – Жаль, что мы не родились такими же. Тогда бы отец не мучил меня, а ты бы не страдала от боли, расплачиваясь за бесполезную Силу.

Эскаэль скривилась, крепко стиснув зубы. Слова брата вонзились в нее, будто предательский клинок в спину. Она никогда не считала свою Силу бесполезной, просто пока не нашла дару применение. Викар не заметил, как его слова подействовали на сестру. Не поднимая головы, он задумчиво накручивал на палец ниточку, вылезшую из прорехи на рукаве; из-под ткани выглядывал темный край застиранного бинта, покрытого вьевшимися коричневыми пятнами.

– Кого теперь отец заставляет искать во снах? – спросила девочка.

– Императора, – вымученно выдохнул Викар.

– Зачем?

Мальчик небрежно пожал плечами.

– Разве ему нужна причина для того, чтобы истязать меня? – Он сжал кулак, оборвав ниточку. – Отцу скучно. Скучно... Он заставляет меня проливать кровь просто для того, чтобы развлечь его байками о людях по ту сторону моря.

Избегая смотреть на брата, Эскаэль нащупала его холодную ладонь и крепко сжала. Викар ответил ей, мягко стиснув тонкие пальцы.

– Ты видел сны ведьм? – нерешительно спросила девочка. Любопытство скребло, будто назойливая мышь в стене.

Мальчик покачал головой.

– Я видел сны людей, живущих на Болотах, но даже в них ведьмы и их образы ускользают от моих глаз.

– А тамиру? – Голос Эскаэль стал настойчивее.

Викар вскинул голову – сестра не видела его лица, но отчетливо почувствовала на себе полный отчаяния взгляд. Однажды она уже задавала этот вопрос, и в последний раз, когда он срывался с ее уст, глаза мальчика переполнили слезы.

«Я никогда не видел волков. Чаща, которая поглотила их, – икая от страха, в тот день пролепетал Викар, – она сама видит сны... И мне в них очень страшно...»

Мальчик вдруг крепче, до боли, сжал пальцы сестры и придушенно произнес:

– Вчера я видел кое-что иное, но не рассказал отцу.

Эскаэль бросила на него изумленный взгляд, преодолевая отвращение к точеному профилю. Викар замялся, подбирая слова.

– Я попал в сон девушки из Лаарэна... – Мальчик пугливо обернулся к дверям и, убедившись, что они заперты, продолжил: – Она такая же, как мы, – шинда. Шинда по ту сторону моря, живущая среди людей при свете дня.

– Кто она такая? – удивилась девочка.

– Не знаю. Но она почувствовала меня и выкинула из своего сна, оставив мне это.

Викар оттянул ворот рубахи и продемонстрировал алую полосу рассеченной кожи над ключицей.

– Я больше не хочу...

Голос брата неожиданно стих. Эскаэль видела, как шевелятся его губы, как они дрожат от волнения, но больше не слышала слов. Страх стремительно поднимался из глубин сердца, стискивая тонкое горло в стальных тисках.

«Эскаэль», – едва уловимый детский шепот проник в ее голову, оцарапав затылок.

Она отпрянула от брата, уставившись на него остекленевшими глазами.

«Я хочу играть, Эскаэль, – напел голос, – поиграй со мной!»

Тело будто обратилось в камень, застыв вокруг напуганной девочки. Она пыталась кричать, но язык вяз во рту, словно в зыбкой трясине. Она хотела сорвать с себя эту каменную кожу, но руки налились свинцом и повисли бесполезными плетями. Это тело теперь принадлежало не ей. Оно стало марионеткой во власти чужого Слова.

Пальцы Викара крепко сомкнулись на ее запястье, но Эскаэль не ощутила их прикосновения – лишь краем глаза

заметила, как брат порывисто вскинул руку и жалобно уставился в ее лицо.

«Я жду тебя», – захихикал голосок, и ноги Эскаэль против ее воли шагнули к двери.

Викар прижимался к ней, обхватив руками тонкое плечо, и не отпускал, пока Слово тянуло Эскаэль вниз по лестнице, к сердцу дворца, где за массивными резными дверьми, у которых чинно выстроились слуги – опустошенные шинда, – за низким столиком в центре просторной спальни сидела пятилетняя девочка. Ее пышная серебристая юбка растеклась по мягким подушкам, будто лунный свет, утонувший в холодном озере.

– Вы пришли вдвоем! – радостно захлопала девочка, когда близнецы перешагнули порог.

Атрей. Чудо, дарованное вымирающему народу королевской четой. Сияющий огонек во мраке Тао-Кай, который своим светом застилает глаза шинда от правды. Надежда, ради которой они живут. Маленькое отродье, которое боготворят, считая ее рождение даром судьбы, что очистит кровь, оскверненную появлением близнецов.

– Время для чаепития! – объявила Атрей, радостно застучав бледными ладошками по столешнице из зеленого стекла.

Эскаэль безвольно опустилась на подушки напротив сестры. Викар сел рядом. Натянутые путы Слова ослабли, будто провисли нити, удерживающие марионетку, и плененный разум девочки медленно прояснился. Она окинула взглядом круглый столик, заставленный изящной фарфоровой посудой, и рассаженных вокруг него кукол – даже их стеклянные пустые глаза и те смотрели на близнецов с ненавистью.

В дальнем углу комнаты, в кресле возле кровати с пышным балдахинном, Эскаэль заметила женщину: королева наблюдала за детьми с неприкрытой, отравляющей ядом улыбкой. Ее тонкие пальцы любовно поглаживали плащ из серой волчьей шкуры, наброшенный на колени.

Тем временем Атрей продолжала свою игру в кукольное чаепитие, которая вовсе и не была игрой, – сестра переросла детские забавы, когда ей исполнилось два года и с ее уст слетело первое Слово, наполненное сокрушительной отцовской Силой, поработящее умы и тела всех шинда, до которых она могла дотянуться.

– Викар, поухаживаешь за нами? – мило похлопала глазами девочка; изогнутая, будто сабля, ухмылка обнажила острые клыки.

Мальчик встрепенулся и, склонившись над столом, наполнил чашки из пузатого цветастого чайничка. В нос Эскаэль ударил приторно-сладкий запах, от которого по коже пробежали мурашки.

Кровь.

Атрей довольно потянула носом, прикрыв глаза, – белоснежные ресницы слились с бледной кожей. Сестра не обронила ни звука, но Эскаэль все равно ощутила, как резко она дернула за нить, опутавшую разум Словом: та впилась в дрожащие пальцы, будто незримая стальная струна, и заставила взять фарфоровую чашку.

Эскаэль уже забыла, как на самом деле была голодна: она почти смирилась с раскаленным угольком в груди, в который обратилось сердце, снова научилась жить с невыносимой головной болью и дрожью в руках. Эту пытку она выдерживала не впервые. Не впервые королева заставляла близнецов голодать и наблюдала, как Сила выжигает хрупкие тела.

Когда они были младше, она кормила их чаще – детские слезы слишком быстро ее утомляли, – но теперь, когда они разучились плакать, эта пытка могла длиться неделями.

Слово вонзилось в затылок Эскаэль раскаленной спицей, позволяя прильнуть губами к чашке. Девочка жадно залила густую кровь в рот. Жар в груди тотчас угас, пальцы сжались крепче и увереннее. Эскаэль глубоко вдохнула.

– Наши гости голодают! – вдруг спохватилась Атрей, жестом указав на кукол за столом. – Эскаэль!

Девочка послушно потянулась к чайничку, но сестра хлопнула ее по руке. Чайничек клюнул носом столешницу, и по ней растеклась вязкая лужица крови.

– Наши гости пришли за десертом! – упрекнула Атрей. Королева весело усмехнулась.

Еще одна ниточка натянулась в разуме Эскаэль, и она с ужасом осознала, чего хочет сестра. Атрей протянула ей маленький ножик – и девочка против воли сжала серебряную рукоять.

Холодное лезвие ужалило ее запястье. Викар вздрогнул от испуга, но не попытался остановить ее или вымолить у Атрей пощаду. Закусив губу, он смотрел на сестер круглыми от страха глазами.

Кровь текла по бледной коже, наполняя кукольные чашечки. Эскаэль мутило, желудок скрутило, грозя вывернуть недавно выпитое на стеклянную столешницу, перед глазами расплылись черные кляксы, но Атрей все туже натягивала нить, усиливая власть своего Слова и наблюдая за сестрой с жадным восторгом.

Эскаэль тяжело моргнула – еще немного, и в ней уже не останется сил, чтобы в следующий раз разомкнуть веки.

– Хватит! – довольно бросила Атрей и неожиданно отпустила все нити своей сковывающей воли.

Эскаэль покачулась. Викар поймал ее за плечи и спешно зажал рану на запястье темно-синей салфеткой.

Атрей больше не замечала близнецов. Она прислонила чашку к кукольным губам и с веселым блеском в глазах наблюдала, как кровь сестры стекает по фарфоровому личику, пятнает алым неестественно румяные щеки и кружевной воротничок. Эскаэль стиснула зубы, сдерживая злость.

Викар крепко сжимал ее запястье, но кровь сочилась сквозь его дрожащие пальцы, пропитывая салфетку. Девочку снова

качнуло: глаза стремительно заволакивала тьма, и весь мир сузился до алого пятна на стеклянной столешнице. К горлу подступил ком. Эскаэль резко вырвала руку из ладоней брата, схватила чайничек и, бросив на пол крышку, прильнула к нему губами. Кровь наполнила ее рот, потекла по губам и шее.

– Нельзя! – взвизгнула Атрей, вскочив на ноги.

Она что есть силы ударила по рукам сестры, – чайник выпал, ударился о стол. Носик откололся и остался лежать на зеленом стекле, истекая остатками крови. Второй удар пришелся Эскаэль по щеке, и девочка повалилась на подушки рядом с братом.

Со стороны двери послышался злорадный смех слуг.

Эскаэль до крови прикусила щеку, сдерживая улыбку: кожу на руке приятно покалывало – рана стремительно затягивалась.

– Не смей реветь, – предупредила Атрей, неверно истолковав взгляд сестры. В ее голосе звенела сталь. – У нас сегодня праздник, и я не позволю запятнать его слезами!

Девочка вскочила на ноги – белоснежные волосы рассыпались по спине – и, весело подпрыгивая, добежала до огромного ящика у дальней стены, накрытого алой скатертью.

– Сегодня мы празднуем день, когда вы допили свою мать! – ликующе провозгласила Атрей и потянула за ткань.

Шелестя, шелк соскользнул на каменный пол и змеей сомкнулся вокруг клетки. Викар вскрикнул, закрыв рот ладонями. Эскаэль же со сдерживаемой злобой уставилась на женщину в клетке: она сидела на полу, неестественно подогнув ноги, руки были прикованы к верхним прутьям, голова запрокинута, а светло-зеленые остекленевшие глаза обращены к потолку. Дрожащий свет лампад плясал на серой коже нагого тела, покрытого сетью шрамов и свежих ран.

Эскаэль смотрела на женщину, не испытывая к ней почти никаких чувств: ни жалости, ни печали, разве что легкая радость трогала ее душу. Может, теперь, когда она умерла,

шинда забудут о том, как однажды оступился их король. А когда ее запах выветрится из подземелья, где содержали человеческих рабов, собратья забудут ее вкус и перестанут прихвливаться к близнецам и смотреть на них как на вырожденцев той, что годилась лишь в пищу.

Викар шмыгнул носом, сдерживая слезы.

Из противоположного угла спальни донесся едкий смешок.

Эскаэль обернулась к королеве. Поймав взгляд ее светло-серых глаз, девочка сжала зубы и демонстративно провела по губам тыльной стороной ладони, размазывая по щеке кровь матери. Лицо королевы исказилось от злости.

– Выкиньте их прочь, – скомандовала она, отвернувшись. – Сегодня я достаточно насмотрелась на эту мерзость.

– Ну ма-а-ам, – обиженно простонала Атрей. – Мы не доиграли!

Приказ королевы был исполнен буквально: близнецов подняли под руки, дотащили до двери – Викар пытался идти, но пятки скользили по полу – и словно мусор вышвырнули за порог. Дверь с грохотом захлопнулась перед распластавшимися на пыльном полу детьми.

– Эскаэль!

Викар подполз к сестре. Она попыталась встать, но ослабевшие ноги подвели: хоть рана на руке и затянулась, выпитой крови все равно было мало, чтобы восстановить силы. Брат крепко обнял ее и, поднатужившись, помог встать. Эскаэль тяжело повисла на его плече, не сводя пылающего взгляда с резной двери.

– Я уничтожу их, – пообещала она.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

